

18+

АНИТА
ФЕВЕРС

ОГНЕВИЦА

ПОЛЫНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Анита Феверс

Огневица

ИД "КомпасГид"

2021

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2=411.2)6-445

Феверс А.

Огневица / А. Феверс — ИД "КомпасГид", 2021

ISBN 978-5-907124-27-1

Всем в Беловодье известно, что огненный дар есть только у мужчин, именуемых дейвасами. Так было, пока однажды огонь не изменил жизнь Итриды. Лишенная семьи и дома, вынужденная скитаться, она ищет возможность избавиться от непрошеного дара. Но прошлое настигает Итриду, и теперь опасность грозит тем, кто ей дорог. Удастся ли ей усмирить внутреннее пламя, или огонь вырвется и спалит все дотла? Тем временем дейвас Марий Болотник ищет виновных, сгубивших родителей и невесту светлого князя. Дорога приводит Мария в Каменку, где он встречает девушку с даром огненосца – главную героиню Итриду. Как она связана с убийцами княжеского рода – и связана ли?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2=411.2)6-445

ISBN 978-5-907124-27-1

© Феверс А., 2021
© ИД "КомпасГид", 2021

Содержание

Пролог. Семь весен назад	6
Глава 1. Город на перекрестке	9
Глава 2. Воришка с огоньком	14
Глава 3. Птичьим криком, волчьим шагом	19
Глава 4. Дурные вести	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анита Феверс

Огневица

© Анита Феверс, текст, 2021

© ООО «ИД «Теори я невероятности», 2023

* * *

*Ты назад не смотри, огневица, там волки спешат за тобой.
Роют землю когтями и пахнут горелой травой.
Опустив морду вниз, они держат зубами твой след.
Их ведет через ночь запах слез, что впитал самоцвет.*

Пролог. Семь весен назад

Створки стрельчатых дверей, украшенных двумя огненными птицами, разошлись без единого скрипа. Солнце скользнуло по красным перьям и сверкнуло в золоте птичьих глаз. Но в темном взгляде вошедшего свет запутался и будто бы потускнел. Последние сполохи сверкнули багрянцем в темных волосах, когда мужчина отвел несколько прядей с лица.

На той части запястья, которую не скрывал рукав черного кафтана, виднелись едва затянувшиеся порезы и начавшие желтеть синяки. Кафтан украшала тонкая вышивка золотой нитью, два ряда золотых пуговиц шли от ворота до паха, да над сердцем горело огненное кольцо – знак дейвасов. Марий Болотник ступал неслышно, но уверенно – знал свое право находиться в этих покоях в любое время.

Ныне в зале не толпились просители. Возле окна стоял маленький столик, накрытый узорчатой тканью и уставленный лакомствами. Пар поднимался над чашкой из тонкого перламутрового фарфора, привезенной с островов Ущербоной Луны. Чай был нетронут, как и сласти.

Марий миновал угощение и прошел вглубь зала. Остановился в десяти шагах от пустовавшего трона и сунул ладони за пояс. Заговаривать не спешил – давал тому, кто его вызывал, собраться с мыслями.

Князь Светогор стоял у окна. Он заложил руки за спину, отчего тяжелый плащ, подбитый соболем, собрался складками, обнажая перевязь с мечом. Князь не расставался с оружием ни днем ни ночью, и на то была причина. Марий болезненно поморщился. Как ни убеждал он Светогора, что тот ничего не смог бы противопоставить огненной ворожке напавших, князь все равно продолжал винить себя в случившемся.

Светогор не спешил начинать разговор. Марий вздохнул, подошел и встал рядом, привалившись плечом к стене. Свет заходящего солнца отразился от расписного окна женского терема – единственного, которое уцелело, – и заплясал по лицу Светогора. Лучи высвечивали то залегшую меж бровей морщинку, то горькие складки в уголках губ. Пытались добраться и до глубины спокойных серых глаз, но горе, живущее в них, было темнее, чем одежда дейваса. Не справившись, солнце стыдливо спряталось за тучу, окрасив ее брюхо в красный и золотой. Над обломками здания, некогда звавшегося Каменным Цветком Червена, кружили вороны – целая стая.

– Они летают там днями напролет, – тихо проговорил Светогор. – Хотя тела давно убрали.

– Я могу их сжечь, – предложил Марий, но князь лишь качнул головой.

– Люди думают, что птицы скорбят, – Светогор скривил губы. – Кое-кто твердит, что они – воплощение горя воленцев, осиротевших без своего князя.

– Теперь у Беловодья новый князь, – негромко, но твердо напомнил Марий.

Светогор начал говорить, но дейвас шагнул ближе и крепко стиснул плечо молодого правителя, прервав сбивчивую речь.

– Мы найдем убийцу. Но сейчас ты должен удержать Беловодье от смуты. Твои отец и дед были князьями. Ты не имеешь права поддаваться чувствам и допускать разрушение того мира, что они создавали.

Князь сторбил плечи и глубоко выдохнул, точно пытаясь избавиться от тяжелых дум, бродящих в его голове. Он покачнулся и наклонился вперед, уперевшись руками в резной подоконник. Его взгляд блуждал по женскому терему, пытаясь увидеть отблеск солнечного зайчика. Когда-то игривое пятнышко света, пущенное маленьким ручным зеркалом, служило приглашением. Тогда князь менял пышные одежды на одеяние стрельца, вооружался огнестрелом и засапожным кинжалом и отправлялся «гулять по крышам» – так она называла их шалости. Смешливая, всегда улыбающаяся, она уже ждала его в схожем наряде, разве что оружие не

любила. Князь и его подруга вместе отправлялись в город – пить золотое вино и лихо отплясывать на площадях вместе с лицедеями.

Некому больше пускать солнечных зайчиков. И зеркальце, оттянувшее карман князя, отныне бесполезно.

Светогор быстро отер глаза, словно смахнул невидимую соринку. Глубоко подышал, запрокинув голову, и наконец повернулся к дейвасу.

– Рад, что ты пришел, Марий.

– Как я мог отказаться? Меня позвал светлый князь.

Светогор поморщился.

– Никак не привыкну. Зовут меня, а чудится – отца окликают...

Князь и дейвас, не сговариваясь, посмотрели на тяжелое кресло из мореного дуба. Его подлокотники были выполнены в форме голов хищных птиц. Такая же птица, только огненная, распахивала крылья на красном гобелене позади трона.

Княжий род огненных птиц едва не оборвался по чьему-то злому умыслу. Но Светогору посчастливилось спастись, и смуты удалось избежать. Сегодня шел седьмой день, как на каждом окне Червена – столицы Беловодья – развернулись черные полотна в знак траура. Марий знал, что такие же тряпки плещутся на ветру в каждой, даже самой дальней и захудалой волости – везде, куда смогли долететь вороны-вестники. Дернуло болью левую руку – ту, что едва не перешибло рухнувшей балкой в горящем Каменном Цветке. Лаумы наспех затянули рану, но до конца вылечить не успели. Глава Школы почти не смыкал глаз в первые дни после случившегося и старался не терять ни минуты. Собственное исцеление казалось ему мелочью, не стоящей внимания.

Марий стиснул зубы, разглядывая осиротевший престол. Страшная беда, что стряслась с Каменным Цветком, пошатнула шаткое равновесие, которое едва успело установиться в Беловодье. После возвращения лаум навьи попрятались по норам и кметы вздохнули чуть спокойней. Принялись осушать болота, вырубать леса, расстраивать волости – по чуть-чуть, подолгу и не без труда договариваясь с лесными и водными навьями и живниками.

Но, видать, кому-то крепко не понравилось усиление лесного княжества. И стоило прибыть на подворье терема невесте Светогора, царевне Лебедяне, как неизвестный колдун нанес сокрушительный удар. В огне погибли отец и мать Светогора и его несостоявшаяся невеста, с которой они провели вместе едва ли две седмицы.

Но Светогор тосковал не только о семье. Его сердечная подруга, что тоже жила в женском тереме, сгинула в огне вместе с Лебедяной. Светогор своими глазами видел, как огонь упал с неба на Каменный Цветок и мигом охватил его до самого конька, с одинаковой легкостью пожирая и дерево, и камень. Марий до сих пор помнил, как сжимал окаменевшие плечи Светогора, не давая другу броситься в пламя. Позже дейвас неслышной тенью следовал за князем, пока тот потерянно бродил на пепелище. Всё, что осталось от черноволосой Ренеи, – зеркальце в обрамлении кованных листьев, чудом уцелевшее в колдовском огне.

Светогор повернулся спиной к трону и опустился за столик с яствами. Его руки обхватили чашку с чаем. Князь поднес ее к губам, подул, но, вместо того чтобы выпить, снова поставил на стол. Под его серыми глазами залегли черные тени.

– Не вынуждай приставлять к тебе няньку, чтобы она кормила тебя с ложечки.

Марий опустил голову напротив князя. Налил себе душистого, исходящего паром напитка, проследив, чтобы настой получился темным, почти черным. Пригубил терпкую горечь, внимательно глядя на Светогора поверх фарфорового края.

– Прекрати, – молодой князь поморщился. – Я не совсем еще разум потерял. В Навь не собираюсь. Хотя... ты мог бы меня проводить.

Во взгляде Светогора блеснула безумная надежда, но сразу погасла, когда Марий отрицательно качнул головой и твердо припечатал:

– Нет. Мертвых не возвращают даже боги. А твоя подруга не заплутала меж миров, как бы тебе ни хотелось в это верить. Ясмена скажет тебе то же самое.

– Уже сказала, – неохотно признался Светогор, и Марий устало откинулся на спинку скамьи.

– Сама пришла?

– Да. Велела не искать ничью душу – в Серой Чаще ни одна не заплутала, а значит, все отправились в Подземный мир. Знаешь, – Светогор задумчиво покрутил кольцо на указательном пальце, – мне казалось, она хочет сказать что-то еще, но более ни слова не прозвучало, и Хранительница исчезла.

Дейвас в задумчивости потер уголок рта костяшками пальцев и отпил еще чая. Горечь прочищала мысли и заставляла их бежать быстрее. Показалось даже, что неумолчный вороний грай за окном стал громче, приблизившись. Вдруг рассеянный взгляд Светогора обрел прежнюю остроту, и он внимательно посмотрел на друга:

– Марий, а когда ел ты сам?

– М-м-м, – дейвас оглядел стол, но там были только сладости.

Марий сдался и подхватил с блюда пирог, отчаянно надеясь, что он будет мясной. Только надкусив, дейвас осознал, что в его животе не было ни крошки с прошлого утра.

Пирог оказался яблочным.

– Если мы оба заморим себя голодом, кто останется во главе Беловодья? – грустно улыбнулся Светогор. Марий медленно пережевывал мягкое тесто. Князь перевел взгляд в окно. – Уже седмица, и по-прежнему ни следа, – прошептал он.

Кусок встал у дейваса поперек горла. Он бесшумно положил пирог и медленно вытер пальцы о расшитое полотенце. Желваки играли на лице Болотника, но голос его был тверд, когда он снова заговорил:

– Мы их найдем. Найдем тех, кто убил твою семью. Куда бы они ни спрятались, мы их отыщем. Я выделю тебе надежных людей для защиты. И надеюсь, что ты не будешь от них сбегать. Не в нынешнее время.

Светогор нащупал маленькое зеркальце в белой раме и сжал его так сильно, что острые края кованных листьев до боли вонзились в пальцы.

– Нынче не только время иное, друг мой. Но и я.

Глава 1. Город на перекрестке

– Четыре серебрушки.

Стрелец поправил тяжелую пицаль на плече и сдвинул шапку на затылок. В ожидании ответа он скучаяще скользил взглядом поверх длинной пестрой змеи, шипящей, рычащей, блестящей и ругающейся на всех языках Беловодья. Змея эта состояла из торгового люда и всяческого зверья, которое пригнали на продажу. Через несколько дней начиналась летняя ярмарка, и, по традиции, первым городом, где она разворачивалась, стала Каменка. Но не только купцов манил дух наживы – всегда попадались и другие. Такие, как эта четверка: три парня и девка невысокого росточку. Стрелец бросил взгляд на девушку и украдкой вздохнул. Мала-то мала, а глаза рысьи, злые...

– Клянусь Алте-Анкх, впервые вижу такую чудовищную жадность! Да в своем ли ты уме, морокунов сын? За четыре серебрушки я твой забор перелечу быстрее! – возмутился смазливый шехх, тряхнув густой гривой черных волос.

Стражник переглянулся со своим напарником и лениво подкрутил и без того залихватски торчащий ус.

– Лети, – спокойно предложил он шехху. – Мои ребята и не такую дичь бивали. А уж мимо тебя ни один не промажет.

Шехх зыркнул на выстроенный вдоль забора помост, где и впрямь прохаживались стражники, пробормотал что-то себе под нос и скользнул рукой за пазуху. Стрелец погладил затвор пицали, но шехх лишь достал худой мешочек, отсчитал четыре серебряные монеты с волнистым краем и рунами – светлых богов с одной стороны, темных с другой – и ссыпал их в широкую ладонь стража.

– Лучом золотым дорога, – махнул стрелец, пряча мзду за пазуху.

Шехх фыркнул и задрал нос, проходя мимо. Девчонка-рысь проскользнула за приятелем молча. Высокий мужчина за ее спиной приветливо кивнул стражнику и задержался подле, чтобы спросить, где в Каменке наливают лучшее пшеничное пиво.

– Так в «Золотой ладье», – охотно отозвался десятник. – Там пан Слад по-свойски варит. Ни одного худого слова о евонном пиве не слышал.

– Добро, – кивнул мужчина и двинулся следом за товарищами.

Последний из их компании натянул капюшон так низко, что на виду остались только тонкие плотно сжатые губы и небольшая ямочка на подбородке. Двигался путник мягко, бесшумно ступая по настеленным доскам, по сторонам не смотрел и явно знал, куда шел.

Четверка выглядела не более заметной, чем другие многочисленные путники, проходившие через Западные ворота Каменки. Но что-то в их облике говорило стрельцу, что в ближайšie дни стоит держать ухо востро.

* * *

Каменка была местом зажиточным и крепким. Выросшая возле главного сухопутного торгового тракта Беловодья, она обзавелась несколькими добрыми корчмами, соревнующимися качеством сбитня и затейливостью развлечений, постоянно действующей маленькой ярмаркой и даже двумя крохотными храмами – деревянными и одноглавыми, но сработанными на совесть. Обитель светлых богов сверкала серебристым лемехом купола в восточной части городка. На куполе ярко светился знак: солнце Светозарной Сауле, а перед ним – молния Небесного Кузнеца Перкунаса. В городах покрупнее, не говоря уж о столице, храмов было бы два, но здесь супруги делили один дом на двоих.

Храм Среброликой Гильтине и Хозяина Ночи Вельнаса тоже стоял в черте города, и тем Каменка отличалась от остальных городов. Ведь если храмы светлым богам всегда строили на возвышении, чтобы они были ближе к небу и солнцу, то святилища темных ставили возле входа в мир Подземный: в низинах, у подножия холмов или если подле города рос лес, то в чашобе.

Злые языки звали Каменку навшим местом, ведь она стояла на перекрестье трех путей, а перекрестки, как известно, одно из излюбленных обиталищ нечистой силы. Но жители Каменки, те, кто посмекалистей да посмелее, только хитро шурили глаза и расстилали соломку помягче. На много верст окрест иного ночлега было не встретить. А купцам, странствующим в поисках лучшего места для сбыта товара, тоже хотелось поспать на чистых простынях и поесть горячего после долгих дней тряски на лошадях да в телегах.

В Каменке разговаривали в полный голос, смеялись от души, обожали всяческие празднества и рады были любому гостю. А корчмари веселого городка спорили, чье пиво лучше. И вот уже третий год подряд эту жаркую битву выигрывала «Золотая ладья», к которой пришельцам охотно указал путь первый же встречный.

Корчма встретила их запахами солода, меда и свежего хлеба. Тихо звякнули ветряные колокольчики, подвешенные возле двери, и их пение звучало, пока бродяжники потрясенно оглядывались вокруг.

В «Золотую ладью» не только поесть и выпить приходили: чем потешить взгляд, в ней тоже было. Корчмарь «Ладьи», Слад Пивовар, обожал всяческие диковинки, и порой вместо платы посетители оставляли ему подарки: поющие кувшины жаркой страны, раскинувшейся за Великой пустыней; расписные тарелки и искусно сплетенные гобелены с островов Ущербной Луны; колдовской фонарь из цветного стекла, крутящийся вокруг своей оси и раскрашивающий потолок звездами не хуже, чем на ночном небе; музыкальные инструменты всех мастей; специи и сладости в маленьких шкатулках; и, конечно, оружие.

Кто другой на месте Слада прятал бы эти сокровища за семью замками, но корчмарь любил, когда люди смотрят на красоту, и потому использовал все дары для украшения своего бесконечно обожаемого детища – «Ладьи». Она была единственной корчмой на все Беловодье, где посетители могли сидеть на лавках, как привыкли, а могли и на цветных подушках расположиться. На стенах висели картины всех мастей: выцарапанные на бересте, выжженные на дереве, нарисованные на коже и тканях. Было даже несколько картин на бумаге. Впрочем, на самой дешевой.

Стена возле стойки корчмаря была сверху донизу увешана полками, на которых вперемежку громоздились банки и баночки, коробки, туеса, свертки – все это безумно благоухало, и у тех, кто стоял рядом, с непривычки начинала кружиться голова. Под потолком висели многочисленные фонари, стеклянные шары, позвякивали ловцы ветра и шуришали ловцы снов.

Казалось бы, такое обилие красок, запахов и вещей должно было сбивать с ног и тревожить, но вместо этого любой гость «Ладьи», переступив порог, чувствовал себя так, будто вернулся домой.

Слад и себя любил украсить. Шелковый халат шеххов или нарядный кафтан воленцев, борода, заплетенная в косички по обычаю караалов, расписные сапоги и тюрбан – догадаться, как именно вырядится каменский корчмарь сегодня, было невозможно.

День едва начался, и посетителей было немного. Только двое усталых воленцев весен сорока с виду, расстегнув ворота свиток и вытянув ноги в запылившихся лаптях, потягивали пиво из запотевших глиняных кружек за столом возле окна. Девушка с рысьими глазами подняла руку и тронула тут же запевшие громче серебристые палочки. Им откликнулись другие, разной длины и формы, в беспорядке развешенные на балках там, где в обычных едальнях болтались бы плетенки лука и чеснока. Здесь ими и не пахло, зато нос щекотали странные теплые ароматы, навевающие мысли о пирогах и почему-то об осени.

– Место славное, хоть и пестрое, как ковер. Ну что, долго на пороге топтаться будем? – недовольно поторопил приятелей шехх.

– И вправду, чего это мы? – прогудел воленец.

Он на голову возвышался над товарищами, светлея гривой волнистых волос. Про такой цвет в Беловодье говорили «Сауле поцеловала» – теплый, словно молоко с медом. А вот густая борода была куда темнее, и это подчеркивало черты грубоватого лица. Широкие, тоже темные брови вразлет притеняли некрупные карие глаза, глядящие спокойно и внимательно. Горбинка на носу и тяжеловатое дыхание выдавали давний плохо сросшийся перелом. Мощная шея переходила в широкие плечи и тяжелые жилистые руки. Воленец двигался осторожно, зная о своей телесной силе, а за его спиной легко могли укрыться двое из троих его спутников.

Мужчина заметил столик в затененном углу, где как раз могли разместиться четверо, и поманил всех за собой. Темноволосая девушка и последний из четверки, все еще не снявший капюшон, пошли следом за ним. Шехха же куда больше, чем необычная корчма, увлекла румяная разносчица, несущая заказ другим гостям. Уроженец Великой пустыни мигом оказался возле нее и придержал оступившуюся девушку. Подождал, пока она ловко расставит ароматно пахнущие миски и тарелки на столе, и предложил донести поднос до кухни. От его нежных улыбок и мурлыкающего голоса девушка покраснела до корней волос.

Народ шеххов жил по другую сторону Золотого моря. В их стране не было зимы, зато на сотни верст раскинулись жаркие безводные пустыни. Шеххи гоняли по ним песчаные корабли и жили за счет торговцев, желающих сократить путь вместо того, чтобы огибать пустыни по морям, кишачим дикими безымянными тварями и морскими разбойниками.

Проводив девушку, синеглазый сын Великой пустыни вернулся за столик к остальным и сел на единственное место, освещенное косыми лучами солнца, падающими из окна. В то время как другие искали тень и прохладу, шехх всегда устраивался как можно ближе к огню.

– Надеюсь, пиво будет свежим. Не хочется тащиться куда-то еще, – протянул он, развалившись на лавке, как кот.

– Пиво и прочие радости будут после того, как Итрида сторгуется с купцом. Так что закатай губу, Даромир. У нас денег – одну ночь переночевать не в сарае да по миске каши на брата, – заметила черноволосая.

– Ох, Бояна, и как ты не устаешь от самой себя? Даже помечтать не даешь лишний раз, – покачал головой Даромир, поймал взгляд высунувшейся из кухни разносчицы и подмигнул ей.

– А тебе дай волю, ты все монеты спустишь на баб да притирания, – Бояна поправила перевязь с кинжалами и кивнула разносчице, привлекая ее внимание.

Шехх скривился, но смолчал. Откуда знать бедной деревенской девочке силу красоты? Сама-то ею не блещет.

– Хватит собачиться, – последний из четверки бродяжников откинул капюшон и прислонился к теплой стене, не сдержав облегченного вздоха.

Длинные пальцы с аккуратно обрезанными ногтями растерли глубокую морщину между бровей. Стражник Западных ворот удивился бы, увидев сейчас того, кого он принял за парня. Конечно, скрученные в тугой узел рыжие волосы могли бы и мужчине принадлежать, но это была девушка. Сейчас она хмурилась, щурила черные глаза и покусывала тонкие губы.

– Бояна права. Денег у нас немного, но и сезон охоты едва начался. Сейчас затянем пояса, зато к зиме подкопим серебрушек. Может, даже и на жарку-другую свезет.

Шехх недовольно скривился, но тут же снова просиял улыбкой, когда разносчица подала каждому из бродяжников миску рассыпчатой золотой каши и ломоть еще исходящего паром хлеба. В их животах, уже седмицу выдавших только дичь да лесные ягоды, громко и слаженно заурчало.

– Все же нет ничего лучше домашней еды. Даже если тебе ее приготовили за деньги, – подняв ложку, высказался Даромир.

Ответом ему было согласное хмыкание. Какое-то время за столом царила тишина, которую нарушал только спорый стук ложек. Шехх расправился со своей порцией быстрее всех. Обвел скучающим взглядом зал, не нашел ничего интересного, но и молчать долго было не в его правилах.

– Итка, а ты на что потратишь свою часть Вышатиных денег? Давай сложим наши доли и купим какой-нибудь миленький домишко в глухой волости, – шехх облокотился на стол и подмигнул рыжеволосой девушке.

Бояна зашипела на Даромира и замахнулась ложкой, он скорчил ей рожу и снова повернулся к Итриде. Та пожала плечами и медленно поскребла дно миски, втайне сожалея, что на добавку денег и правда нет.

– Давно хотела серебряные шипы на куртку приладить. А еще полосы из серебра, вот тут. Чтобы навьи твари зубы пообломали, – девушка мазнула пальцами по шее и рукавам потрепанной, но все еще крепкой куртки. Слова шехха о покупке дома она оставила без внимания.

Бояна и светловолосый воленец переглянулись, и мужчина осторожно спросил:

– Слушай, Итка... Тебе никогда не хотелось... ну... осесть где-нибудь? Хату купить? Чем морокун не шутит – замуж выйти? – как обычно, стоило Храбру сказать больше трех слов, и говорок его родной волости дал о себе знать. Загорелую кожу воленца тронул румянец, едва заметный под густой бородой, но он по-прежнему выжидательно смотрел на Итриду. Итрида недоуменно глянула на товарища:

– Зачем, Храбр? Мне это не нужно.

Она положила ложку чашечкой вверх, отдавая должное рукам того, кто умудрился сделать нехитрое кушанье достойным княжеского стола, и глянула за окно. Солнце медленно карабкалось к зениту; на улице слышались голоса, то и дело раздавался цокот копыт. Стояла жара – разгар червеня выдался засушливым, – но под крышей «Золотой ладьи» царила приятная прохлада, выходить из которой не хотелось. Вот только встреча с купцом Вышатой была назначена на полдень, так что об отдыхе помышлять пока не приходилось.

– Итрида... – начала было Бояна, но та перебила ее:

– Нам пора получить-таки свою награду. Со мной пойдут Храбр и Дар. Бояна, договорись насчет комнат. Если все сладится, сможем несколько дней передохнуть, прежде чем уходить на новый лов.

– Опять?! – Даромир застонал, обхватив голову руками. – Мы же только вернулись! Вот-вот ярмарка начнется, а мы снова в лес? Да я сам скоро мхом зарасту! Итрида, послушай, давай возьмем за заказ того кожевенника! Я знаю такие яды, что не оставляют следа, без вкуса и запаха, он и не почувствует ничего! Столько денег могли бы получить! До следующего лета...

– Хватит, – осадил Итриду Даромира.

Шехх посмурнел и отвернулся в угол, но Итрида продолжала говорить, и каждое ее слово звучало как удар:

– Мы не убиваем людей за деньги, Дар. Забыл, о чем мы уговорились, когда ты захотел ходить с нами? Мне все равно, что было в твоём прошлом. Люди не скот, чтобы резать их просто потому, что кто-то больше заплатит.

Шехх искоса глянул на бродяжницу, и взгляд его потяжелел.

– Странно, что об этом говоришь ты, готовая убивать по слову любой обиженной девочки. А как за деньги, так вон какая чистоплюйка сразу...

Кинжал, отливающий синевой, вонзился в стол между пальцами Даромира, так близко, что рассек верхний слой кожи – не до крови, а лишь как напоминание.

– Собирайся, – только и бросила Итрида побледневшему шехху – Вышата ждать не будет.

* * *

Вышата слово сдержал и заплатил за шкуры по чести. Прохладные монеты приятно оттягивали пояс, навевая мысли о роскошном ужине и сне на чистых простынях. Только одно тревожило Итриду – то, что пришли они на подворье купца втроем, а уходили вдвоем. Все время, пока бродяжники и купец осматривали добычу, дочь Вышаты не сводила глаз со статного шехха.

Что и говорить, Даромир был хорош собой. Пожалуй, слишком хорош: длинные волнистые волосы падали на широкие плечи, глаза сверкали синевой предрассветного неба, на жилистом теле ладно сидела любая одежда, а вечно улыбающиеся губы, казалось, были дадены ему исключительно чтобы произносить всякую похабщину. Он был ярок – и тем отвлекал внимание от товарищей. И порой это было им очень на руку.

Итрида успела разузнать, кто таков этот Вышата, прежде чем согласилась поработать с ним, и потому кое-что знала и о его дочери. Черноволосую Кажену отец растил не как малахольную девицу. Боги не дали ему сыновей. Обычно в таких случаях отцы спешили повыгодней запродавать дочь замуж, но Вышата измыслил другое: он принялся обучать Кажену, объясняя ей тонкости купеческого ремесла. То и дело головка на хрупкой шейке склонялась к отцу, позвякивая серебряными височными кольцами, а он серьезно объяснял ей что-то. Кажена кивала, порой записывая несколько слов на сероватых листочках, и ни скуки, ни отвращения на ее лице Итрида не замечала. А вот нежный румянец, расцветший на белой коже с того мига, как в горницу с поклоном вошел Даромир, разглядела еще как.

– Только глупостей не натвори, – хмуро предупредила Итрида шехха, когда он шепнул ей, что догонит их с Храбром позже. – Это тебе не селянка какая, чтобы запросто по лавкам кувыркаться.

– Ты правда думаешь, что я ее девства лишать буду? – Даромир рассмеялся, и смех его прозвучал обидно. – Полно, Итрида. Эта краля давно уже знает, что ей нравится в постели. Впрочем, думаю, мне все-таки есть чем ее удивить. Идите, вас там Боянка заждалась. Встретимся на рассвете... или ближе к обеду.

И шехх растворился в вечерних тенях.

Итрида достала мешочек с заработком, отсчитала несколько монет, а остальное вручила Храбру.

– Передай Бояне.

– А как же ты? – похожий на медведя парень подкинул мешочек на ладони, вопросительно глянув на подругу.

Итрида втянула носом наконец-то похолодевший воздух, повела плечами и улыбнулась приятелю:

– Прогуляюсь немного.

Глава 2. Воришка с огоньком

Марий спешился и неторопливо побрел по выстланной досками улице, ведя Стрыгу в поводу. Лошадь недовольно фыркала, но послушно шла следом, лишь иногда прихватывая мягкими губами воротник хозяина и тепло дыша ему в затылок. Дейвас шутливо щелкал чернуху по горбатуму носу, когда она особенно увлеченно принималась жевать его куртку, та возмущенно ржала, и они продолжали путь.

Встречные девушки с интересом посматривали на Мариа и перешептывались, прикрываясь ладонями и алея здоровым румянцем. В его нынешнем облике сложно было распознать огненного колдуна. Болотник сменил привычный черный кафтан на зеленую рубаху, куртку и штаны, пошитые из крашенной лесным орехом мягкой коричневой кожи. Рунический меч был надежно упрятан в невзрачные ножны. Марий сейчас походил на наемника или княжеского воя в увольнительной – вид достаточно опасный, чтобы чересчур любопытные селяне обходили стороной, но куда менее заметный, чем облик служителя Дейва. И очень привлекательный для молодых девиц.

Марий улыбался им в ответ, но проходил мимо не оборачиваясь. Не затем он приехал в Каменку.

А вот зачем – он и сам толком не понимал.

Знал только, что если бы задержался в черных каменных стенах Школы Дейва еще хоть на седмицу, то сошел бы с ума. Видно, копящийся в нем взрыв был замечен и со стороны. В один день сразу двое – светлый князь и советник Мариа, Совий Буревестник, – ему о том сказали и мягко попросили убраться куда подальше. И найти там нормальное лицо, а не «эту зверскую перекошенную рожу, с которой ты разгуливаешь всю весну», как выразился Буревестник. Сам-то он лучился счастьем после очередной поездки в Серую Чашу, и Марий поймал себя на мысли, что с радостью оставит бородатого рыжего советника за главного. Чтобы не видеть, как откровенно тот сверкает улыбкой.

Выехав за ворота, Марий пустил Стрыгу ходкой рысью, доверив лошади выбирать путь. И как-то само получилось, что они добрались до Каменки – городка в седмице пути от Червена.

Марий любил Каменку. Она напоминала ему цыганку в пестрых юбках, звенящую позолоченными браслетами и зазывно сверкающую черными очами. Оглянуться не успеешь, как налетит, закрутит-заворожит, вцепится в руку и втянет в круг, очерченный светом костра. И проснешься наутро, распоясанный, взъерошенный, босоногий, возле остывающих углей в чистом поле. А дышаться почему-то будет легко и пьяно, так, словно все печали и горести вместе с вещами исчезли.

Этот городок совсем не похож был на крепко сбитое и твердо стоящее на земле Приречье. То было надежным и устойчивым, как воин, вернувшийся домой из-за старости, но не потерявший ни сноровки, ни телесной силы. Да, было дело...

Марий усмехнулся воспоминаниям и поднял голову, разглядывая двухэтажное здание с крутящимися на теплом ветру флюгерами в виде кораблей. «Золотая ладья» – так звалась корчма, куда держал путь огненосец. Сейчас, по темноте, было не так заметно, а при дневном свете бревна, из которых была сложена корчма, и впрямь чуть сия ли, точно медом облитые. Хозяин секрета не раскрывал, но как-то обмолвился, что причиной была краска с островов Ущербной Луны – редкая и безмерно дорогая. Помимо красоты, она еще и защищала дерево от вредителей и ненастья.

Болотник привязал Стрыгу к коновязи и потянул ее за уздцы, удерживая взглядом бархатистые карие очи в обрамлении густых ресниц:

– Смотри не балуй. Конюших не кусай, захочешь зубы поточить – точи о бревно. Будешь хорошо себя вести – куплю тебе окорок.

Худенький мальчишка, ходящий за лошадьми, отшатнулся, услышав наказ дейваса, но Марий убедил его, что Стрыга, несмотря на кличку и любовь к мясному, людей не ест. Так... надкусывает иногда.

Впрочем, последние слова он добавил мысленно.

Марий кивнул подпирающему стену вышибале, удостоился неохотного приветственного кивка и оценивающего взгляда и наконец окунулся в долгожданную прохладу, пропахшую солодом, хлебом и теплым духом специй. Переливчато звякнул ловец ветра, потревоженный сквозняком.

– Перкунасова борода! А я уж было решил, что глаза меня обманывают. Так и сказал себе: «Слад, ты постарел или выпил слишком много пива, раз видишь то, чего быть никак не может». Никогда так не радовался своей ошибке. Сам пан Болотник решил заглянуть в наше захолустье! Какими судьбами, о вельможный?

Слад Пивовар, хозяин «Золотой ладьи», спешащий навстречу дейвасу, был таким же дородным, как его вышибала. Вдобавок солидности ему добавляла густая борода соломенного цвета, сейчас заботливо заплетенная в две косицы на манер северного народа караалов. Поговаривали, что Пивовар, получивший второе именование уже в зрелом возрасте, пришел из-за Белых гор, босой, грязный и заросший волосами до самых глаз. Прибился к храму Сауле, где его отмыли, подлечили и дали имя Слад за то, что он мог поладить с кем угодно. Так и жил прибудыш при храме, помогая жрицам по хозяйству. А так как парень он был видный, то сошелся с одной из них, и стали молодые вместе жить.

И вот однажды на ежегодной ярмарке он пришел в торговые ряды и выставил на скамеечке жбан пива, предлагая всем по ковшику всего за одну железную чешуйку. Поначалу Слада обходили стороной, не доверяя хоть и мирному, а все же чужаку. Но жара и безветрие сделали свое дело: один за другим потянулись люди за питьем. Вот только едва попробовав, теряли дар речи – до того оказалось пиво хорошо!

Слух о сказочном пивоваре быстро разошелся по всему Беловодью, и со всех его краев стали стекаться любопытствующие, желающие попробовать дивный напиток, а то и секрет разузнать. Так и разбогател Слад, получивший второе именование Пивовар. Отстроил корчму и только было собрался дать ей имя, как случилось горе: его возлюбленная заболела неизвестной хворью и всего за несколько дней сгорела от лихорадки, которая позже прокатилась по Каменке, собирая дань из людских жизней.

Откуда пришла болезнь, никто не знал. Но вся Каменка в едином порыве встала на защиту своих жителей.

Слад день и ночь вместе с другими, кто мог стоять на ногах, обходил дома с заболевшими, кормил и обтирал их, помогал по хозяйству поддерживал как умел. Он отдал свою новенькую корчму под приют для тех, за кем присмотр требовался днем и ночью. Слад говорил, что делает это в память о погибшей жене. Позже, когда все закончилось, из корчмы сделали Болезный дом – место, где людей лечили знахари, а позже и возвратившиеся в Беловодье лаумы. В Болезном доме любой мог попросить о помощи. А Сладу всем городом отстроили новую корчму, которую он назвал «Золотой ладьей» – потому что его возлюбленная была родом с побережья Золотого моря.

Именно там, в охваченной болезнью Каменке, и познакомились Марий Болотник и Слад Пивовар. Марий привел дейвасов, чтобы защитить ослабевший город от навий, сползающих на запах смерти.

– Заткнись, Слад, – беззлобно отозвался Марий, опускаясь за облюбованный стол. Пивовар не спрашивая грохнул перед дейвасом две кружки с горячим сбитнем на травах и тарелку чесночных сухарей. Махнул рукой выглянувшей из подсобки краснощекой девахе, придвинул к себе одну кружку и с шумом отхлебнул. Закусил сухариком, разглядывая Мария и подмечая темные круги вокруг глаз, свалывшиеся волосы и небрежно застегнутую куртку. Не переста-

вая жевать, толкнул к дейвасу вторую кружку. Болотник покосился на питье, вздохнул, но все же пригубил терпко пахнущую жидкость темно-янтарного цвета. И с удивлением понял, что гнет событий последних дней и усталость от долгой дороги отступили, давая хоть ненадолго расправить плечи.

– Так-то лучше, – довольно кивнул Слад и откинулся на спинку лавки, положив на нее одну руку. – Ну, рассказывай, зачем пожаловал.

– Ты не рад меня видеть? – глянул поверх кружки Марий.

– Рад, клянусь бородой Перкунаса! Только ты в последний раз заявлялся чуть не с полгода назад, пробыл два дня и исчез, ровно туман поутру, – ни ответа ни привета. Думаешь, поверю, что сейчас без нужды прикатил? У тебя там дела государственной важности, колдуны без присмотра бегают, князь опять же...

На лице Мария резче выступили скулы. Слад понятиливо хмыкнул и уперся локтями в стол, наклоняясь к дейвасу.

– Как он?

Болотник коротко вздохнул.

– Выпроводил меня перевести дух, а сам того и гляди в тень превратится. Мало нам было проблем, еще и эти морокуновы пожары добавились...

– Н-да уж, – Слад покачал головой. – Не хотел бы я быть на его месте. А вот на своем – хотел! Так ты, значит, отдохнуть приехал?

– Ну, как сказать...

– Э, нет! Знаешь что, колдун? Сегодня разговоры не будем разговаривать. Завтра. Когда мне плохо, я всегда говорю себе: «Слад, утро вечера мудренее». И всегда помогает! Сегодня ты не дейвас, а обычный путник. Не спорь, – Слад поднял в воздух толстый палец и помахал им перед носом желавшего возразить Мария. Дейвас усмехнулся и смолчал. – Вот и славно. Пей, гуляй, сходи на площадь, там какой-то глумец уже четвертый день людей заворачивает. Инструмент у него чудной: то ли гитара, то ли мытара... И выпись наконец, смотреть на тебя и вправду тошно.

– Гитара? – с интересом уточнил Марий.

Слад закивал так яростно, что пшеничные косицы бороды заплясали в воздухе, позвякивая привязанными к концам бубенчиками. Дейвас отхлебнул еще сбитня, прислушался к растекающемуся по телу теплу, вздохнул и кивнул. Светогор тоже говорил ему не измываться над собой. Вряд ли еще одна ночь, добавленная к уже прошедшей седмице, принесет слишком много вреда, зато силы восстановить поможет. Да и гитара – вещь в Беловодье слишком редкая, чтобы просто пройти мимо.

– Уговорил. Ложница моя свободна?

– Обижаешь, – широко ухмыльнулся корчмарь. – Завсегда для тебя держим!

– Тогда вели застелить к моему возвращению. И еще: окорок есть у тебя? С чесноком.

– Ты никак Стрыгу выгулять сподобился? Добро! Будет тебе мясо. На том и порешили.

* * *

Оставив Стрыгу наслаждаться остро пахнущим куском мяса, Марий, как и собирался, отправился в город. Лошадь, изловленная дейвасом в Серой Чаше с разрешения ее бессменной хранительницы, сначала было заартачилась, поняв, что хозяин собирается идти гулять без нее, но при виде окорока успокоилась и благосклонно запустила в мясо длинные змеиные клыки.

Проходя мимо храма светлых богов, дейвас поневоле замедлил шаг. Солнце, неторопливо ползущее к горизонту, погладило лучами серебристую луковицу, венчающую крепкое здание. И одновременно четыре окошка, выходящие на стороны света, загорелись, будто поймали в плен частицу его сияния. Момент был выгадан идеально, и Марий мысленно отдал

должное храмовникам. Такой эффект создавали зеркала. В середине купола был выложен каменный очаг, и в миг, когда солнце гасло, храмовники по команде воспламеняли каменное дерево. Пойманный хитро посеребренной гладкой поверхностью зеркал, свет будто стократ усиливался, обтекая купол. Вечерняя служба заканчивалась аккурат вместе с зажжением огней. Двери, ведущие в храм, распахнулись, и наружу повалил народ. Дейвас подался в сторону, чтобы ни с кем не столкнуться, огляделся, нырнул в тень возле стены – да там и замер, неподвижный и невидимый.

Людской поток быстро иссяк. Последним вышел высокий парень в низко надвинутом на глаза капюшоне видавшей виды куртки. Он шел мягко, ступая по-кошачьи бесшумно. Марий окинул его взглядом... И подался вперед, едва сдержавшись от удивленного вздоха.

На ногах незнакомца, порядком запыленные, темнели сапоги. Их голенища были украшены вышивкой, и хоть сейчас она была покрыта коркой грязи, но Марий был готов поклясться своим мечом, что знает мастера, тачавшего эту обувь. Аккурат с три седмицы назад тот заливал горе крепкой медовухой, жалуясь, что последний заказ, над которым он работал, бесследно украли.

Может, Марий не признал бы работу сапожника, если бы на его собственных ногах не красовались такие же сапоги.

– Уж не ты ли тот самый загадочный воришка? – задумчиво пробормотал дейвас.

Конечно, он собирался сегодня отдохнуть... Но решить интересную задачу – чем не отдых? И Марий двинулся следом за парнем.

Тот шел неторопливо, голову держал прямо и остановился лишь раз – купил кулек орехов в медовой глазури. Марий поморщился: до чего же приторная гадость! А воришка идет себе, в рот кидает один орех за другим, и, видно, в радость ему.

Незнакомец привел дейваса к площади, где суетился народ, занимая лучшие места в ожидании глумца. Марий оглянулся по сторонам и раздраженно поджал губы: людей привалило уже столько, что пройти в передние ряды никакой возможности не было. А что же похититель сапог? Болотник вдруг понял, что тот исчез, будто растворился, и он его самым глупым образом проморгал! Дейвас выругался сквозь зубы, помянув Вельнаса, и подле него остановилась опрятная старушка в белом платочке.

– Язык прикуси, морокунов сын! – неожиданно зычным голосом прикрикнула она на дейваса. – Неча Подземника к ночи поминать.

– Я приятеля из виду потерял, – не растерялся Марий. – Вот только возле топал, моргнул – и нет его.

– Впервой, что ль, в большом городе-то? – задумчиво огладила платочек старушка, разглядывая Марию и особое внимание уделяя торчащему над его плечом оголовью меча. Болотник спорить не стал, лишь кивнул, стараясь сдерживать смех. Похожая на сову жительница Каменки подбоченилась и ткнула дейваса в грудь узловатым пальцем. – А ну-ка, каков он, приятель твой?

Марий сказал.

Старушка глянула вправо-влево и вдруг крутанулась с неожиданной резвостью, так, что пыль столбом поднялась. Забормотала что-то невнятное, плюнула Марию под ноги – тот едва успел отпрыгнуть и открыл было рот, чтобы возмутиться, – протянула палец-сучок и указала в сторону от площади.

– Там он. Уж не оборотень ли?

– С чего ты взяла? – Марий прищурился и с удивлением обнаружил сапожного вора ловко сидящим вдалеке на шатком заборчике.

– Да расселся, ишь, ровно кречет когтями уцепился. Ну, бывай, охотник! И Подземника больше не поминай – его только кликни, не отцепится!

Марий собрался было поблагодарить кметку, да пока оборачивался, той и след простыл. Впрочем... следов в пыли как раз и не нашлось. Меч за спиной дейваса остался безмятежно-прохладным – значит, навейей тварью старуха не была. Марий задумчиво взлохматил волосы. Ему не оставалось ничего другого, кроме как продолжить преследовать воришку сапог.

Дейвас смешался с толпой, встав так, чтобы видеть «приятеля». А посмотреть было на что. Тот сперва сидел спокойно, чуть насмешливо поблескивая глазами из-под капюшона, но стоило глумцу заиграть – и впрямь на настоящей гитаре, – как парень подался вперед, едва не свалившись с забора. Марий мог бы поклясться, что под капюшоном блеснули слезы. Парень настолько любит музыку? Или мелодия знакома? Может, он из тех краев, что и глумец, и музыка напомнила ему о доме? Впрочем, лучший способ узнать ответы – задать вопросы.

И Марий начал медленно продвигаться ближе к забору. Да только не успел: гитара стихла, и на смену мелодии пришел грохот рукоплескания и одобрительных выкриков. Парень ловко спрыгнул с забора и принялся проталкиваться через толпу. Марий, который занимался тем же самым, не понимал, как незнакомцу удавалось подвинуть людей. И вдруг он застыл, присмотревшись.

Парень легонько проводил рукой по бокам и плечам тех, кто подвинуться не желал ни в коем разе. И кончик пальца у него светился, словно под кожей бился маленький огонек. Едва заметный, неощутимый – но злой и едкий, судя по тому, как люди с руганью отшатывались в стороны.

Если бы Марий не следил за парнем, то углядеть огонек не сумел бы. Но теперь, зная, куда смотреть, не мог поверить своим глазам. Огненный маг балуется мелкими пакостями? Использует дар, чтобы пробиться к глумцу? Это кто же из его Школы настолько разум потерял?

– Что ж, – прозвучал надтреснутый голос глумца, – тогда Волоха сыграет нечто особенное просто так.

Песня была красива и печальна, и Марий в иное время с удовольствием послушал бы – глумец оказался мастером своего дела, – но сейчас куда больше его занимал странный паренек, вздрогнувший всем телом при первых звуках этой песни. Он удалялся прочь от людей, а мелодия летела ему вслед, и на миг дейвасу показалось, что он видит в воздухе расплывающийся след огненного хвоста.

Марий подождал, пока незнакомец отойдет на достаточное расстояние, и двинулся за ним.

Но парня словно корова языком слизнула. Как ни искал дейвас, как ни спрашивал людей – всех будто кто-то заморозил. Неизвестный огненосец провалился сквозь землю, как заправская навь, и Марию оставалось только, поминая морокуна, вернуться в «Золотую ладью».

Глава 3. Птичьим криком, волчьим шагом

Итрида сидела на заборе.

Под покровом сгущающейся темноты и плотного капюшона ее толстая рыжая коса, кольцом скрученная на затылке, не выдавала хозяйку ни единым отблеском. Мужская рубаша и штаны скрывали изгибы тела, а высокий рост и не по-женски низкий голос дополняли облик, избавляя Итриду от лишних вопросов. Вот разве что сапоги не смотрелись с ее простым нарядом. На них многие задерживали взгляд, и в конце концов Итриде это надоело. Она свернула в сторону не доходя нескольких шагов до площади, облюбовала забор, за которым виднелся приземистый домишко с темными провалами сонных окон, и ловко взобралась на шаткие доски. С ее места волнуемая в ожидании глумца толпа была хорошо видна, а вот на нее саму, скрытую тенями и низко склонившимися ветками старой рябины, внимание обращать наконец перестали.

Итрида покачала одной ногой, задумавшись, не сменить ли приметные сапоги на что-то другое. Имени сапожника из Рябинника, так беспечно выставившего обувь на окно, Итрида узнать не удосужилась, но пару серебрушек в уплату оставила. Уж больно ей глянулся прихотливый золотистый узор, обнимающий голенище и стекающий к мыскам, превращаясь по пути в птичьи перья, острые, точно клинки на ее поясе. Золотая вышивка на черненой коже – это Итриде всегда нравилось. Да только где простой деревенской девке получить подобную красоту? Ее удел – серые платья, грубо сработанный жилет, лапти вместо остроносых сапожков да кичка, под которой ни единого рыжего волоска не видно будет. И вся девица станет серая, сгорбленная, будто доля прижмет ее к земле и все соки высосет, отдав их свежевспаханым грядам...

Итрида сдула упрямые пряди, выбившиеся из косы и настойчиво лезущие в лицо. Мать, помнится, ворчала, что волосы у Итки такие же упрямые, как она сама, и больно драла гребнем тяжелую гриву пытаясь вычесать из нее репы. В конце концов Итриде надоело терпеть материны упреки, и она стала убежать куда глаза глядели при одном только виде расчески. А глядели они чаще всего в сторону леса – темного, дремучего, пахнущего мхом и костяником. Поначалу боязно было – страсть. За каждым стволом Итриде виделся лешак, в каждой луже мерещились белые руки мавок, а любая тень в глазах испуганного ребенка превращалась в безжалостного пушевика¹.

Вот только единственными, кого она и правда рассмотреть могла, были белки да зайцы. Однажды видела и волка – крупного белого зверя с по-людски разумным взглядом. Тот не подошел близко, только повел мордой, взвыл коротко, словно приказ отдал, и исчез, ровно морок какой. А следом тени побежали... стая то бишь. И не тронул девчонку ни один, будто Белый наказ такой отдал.

С той поры все страхи маленькой Итки как отрезало. И в лес стала она выбираться еще чаще. Мать седела на глазах, и неведомо, чего она боялась сильнее: того, что Итку сожрет навь, или того, что дочь сама однажды навью вернется. Но удержать Итриду дома не могло никакое наказание.

Она росла высокой и сильной. Лупила двух своих братьев без стеснения, а потом вместе с ними лупила злых мальчишек, зовущих их троих навьими отродьями. И не понимала, почему с каждым годом все меньше становится у нее подруг и все тяжелеет материнская рука. Не понимала, пока не подслушала разговор на реке, в котором соседка называла ее Иткой-парнем и предупреждала мать, что та еще хлебнет позора с такой-то дочерью. Мать ни слова не сказала в ее защиту, только вздыхала и разводила руками, жалуясь, как тяжело одной с тремя

¹ Пушевик – в белорусской мифологии хозяин нетронутого леса (пущи), крайне враждебный к людям.

управляться. Соседка же сказала, что надо Итриде поскорей мужа найти. Чтобы в черном теле ее держал, а она и думать не смела о том, чтобы с парнями драться и мужские порты носить.

И мать согласилась.

Вот только никто из них не мог и представить, как все сложится на самом деле...

От воспоминаний запекло в груди, и Итрида поморщилась. Она подтянула колени еще выше и обхватила их одной рукой. Второй ей все же пришлось держаться за наверхия досок, сделанные в виде куполов храма. Итрида, может, и не стала бы жертвовать мягким местом, в которое сейчас беспощадно впивались острые доски, но уж больно хотелось послушать глумцов. Говорили, те новую байку привезли из восточных волостей: о беловолосой ведьме, огненной реке и дейвасе, не побоявшемся в Навь войти.

Итрида снова поерзала, пытаясь устроиться поудобнее. Ведьма та, небось, лаума какая-нибудь. Хоть и прошло десять весен с тех пор, как водяницы вернулись в Беловодье, проснувшись от колдовского сна, да только до сих пор к ним не очень-то привыкли. В маленьких волостях водяниц и вовсе чурались и на порог их пускали очень неохотно. Про огненную реку Итриде тоже не верилось: в любом мало-мальски сытом доме по праздникам такие реки текут, что не приведи Перкунас кресалом черкануть – сам воздух вспыхнет. А вот про дейваса послушать бродяжнице очень хотелось. Про то, как он с силой своей управляется.

Может, и ей пригодится услышанное?

Жар в груди стал сильнее, и Итриду словно кто-то царапнул изнутри. Она выпрямилась, пережидая, пока тревожное чувство утихнет.

Ей очень нужны были знания, и надежней учителей, чем носители искры Перкунаса, во всем Беловодье было не сыскать. Но Итрида понимала, что ни одному из них ей и на глаза показаться нельзя. Потому как не водились в Беловодье женщины-огненосицы. А узнай дейвасы, как ей достался ее огонь... Итриде страшно было представить, чем это могло обернуться.

Вот и сидела она на заборе, упрямо сгорбившись и сливаясь темным нарядом с тенями, вместо того чтобы отправиться вместе с Храбром к Бояне, наслаждаться вкусным ужином и поджидать загулявшего Даромира. Все для того, чтобы добавить хотя бы крупицу знаний к собственным, обретенным через боль и кровь.

Народу на площади становилось все больше. Люди притаскивали с собой кадки, чтобы было где посидеть. Кто-то приволок целую лавку и теперь гонял с нее пронырливую детвору, то и дело хлопая ладонью по гладкому горбылю. Ребятишки уворачивались и хихикали, но, стоило хозяину лавки отвернуться, тут же забирались обратно.

Площадь, очищенную для выступления глумцов, обнесли по кругу факелами. Ветер полоскал языки пламени, пляшущего на промасленных тряпках в медных чашах, играл ими, как котенок клубком, и был сегодня ласков и мягок. Итрида подставила лицо его касаниям и легонько улыбнулась. Незримые когти наконец оставили ее в покое. Дела остались под спящим солнечным кругом и казались уже бесконечно далекими – такими же, как ушедшее утро. Переговаривались люди, тихонько бренчали гусли, и посвистывала дудочка, распеваясь, чтобы лечь под нитку байки ровным полотнищем. Наверхия забора кололи всё сильнее, и Итрида нетерпеливо ерзала, утомленная долгим, хоть и безмятежным ожиданием. Наконец разговоры стали стихать. Молчание расходилось по толпе, как рябь от брошенного в пруд камешка.

Откуда появился глумец, Итрида увидеть не успела. Сказитель был высок, хоть и сутулился. В объятиях длинных рук, как младенец в колыбели, лежал инструмент, подобного которому она еще не встречала. Белеющий в сумраке, точно обглоданные временем кости, прихотливо изгибающийся, как девичий стан, изукрашенный тонкой резьбой и звенящий едва слышно россыпью серебристых струн. И хозяину вон как дорог: тот присел на заготовленную лавку, помедлил мгновение, потом прикоснулся губами к длинной рукояти и наконец пробежался по струнам затейливым перебором.

Итрида прерывисто вздохнула и подалась вперед, едва не свалившись с забора. Чарующая музыка пролилась в ночь живительной влагой после долгой засухи. Она струилась широкой полноводной рекой и танцевала по перекатам прозрачными струями. Падала нежными вишневыми лепестками и гарцевала табуном горячих диких коней, выбивающих красную пыль из растрескавшейся от жара земли. Глумец закрыл глаза и склонил голову, болезненно кусая губы. Он выглядел одержимым – да он и был таким, – и люди волей-неволей поддавали под его колдовское очарование. Женщины плакали не таясь. Мужчины хмурились и рыскали взглядом по сторонам, стесняясь облечь в слезы то неведомое, что заморский инструмент и странный, не похожий ни на кого глумец поднимал со дна их душ.

Итрида не услышала – почувала миг, когда музыка оборвалась. Вот только катилась приливной волной, пытаясь угнаться за лунным светом, – и нет ее. Лишь холодеют на ночном ветру слезы, заставляя шмыгать носом и утираться рукавом. Люди, отделявшие бродяжницу от музыканта, заволновались, начали гомонить потихоньку и кидать монетки в старую шапку, которую тот поставил возле себя. Итрида поспешно, пока никто не видел, отерла слезы тыльной стороной ладони, соскочила с забора и пошла к площади. Помедлила на границе толпы и нырнула в открывшийся на мгновение просвет.

Порой ее задевали, подталкивали или чья-то спина оказывалась чересчур широкой, и тогда девушка легонько чиркала помеху указательным пальцем по боку. Человек охал и ругался на дурня, который догадался огниво в толпе затеплить, а Итрида продолжала двигаться вперед, пока не оказалась в передней линии. Девушка нащупала в кармане жарку, погладила руны и щелчком отправила ее в нутро шапки, перекошенной на один бок от россыпи чешуек, самых мелких монеток, ходящих в Беловодье. Полновесная золотая жарка – часть платы от купца Вышаты – упала ровно как задумано: чуть с краю, чтобы в глаза не бросаться, удачно запутавшись в меховых складках.

Глумец вскинул голову, и его глаза тускло блеснули из-под густых нахмуренных бровей.
– Пани хочет, чтобы Волоха сыграл что-то особенное? – хрипло спросил он.

Итрида не отвела глаза и не отшатнулась, но по ее телу прокатились мурашки. Такая – в куртке, с убранными волосами и низко надвинутым капюшоном – она ничем не напоминала девицу. Но бродячий музыкант обладал соколиным зрением. Люди зашушукались. Своими неосторожными словами мужчина будто сорвал с Итриды полог невидимости, и каменчане вдруг разом обратили внимание на странную чужачку.

– Пани, может, и хочет, – лениво протянула Итрида, ловко меняя свой и без того низкий голос, – да только я спросить не сподобился.

Кто-то гоготнул, смешок подхватили остальные. Чей-то голос выкрикнул: «Молодец, парень, неча бабе вопросы задавать, надо к делу сразу!» – его метко срезала соседка, и люди загомонили, порвав напряженную тишину.

Глумец же и бровью не повел, продолжая задумчиво поглаживать костяные изгибы.

– Что ж, – обронил он, – тогда Волоха сыграет нечто особенное просто так.

Итрида усмехнулась в ответ и повернулась спиной к вновь начавшему перебирать струны музыканту, желая скрыться в толпе. Но замерла, когда вслед полился протяжный голос, от которого все нутро будто опалило огнем:

*Ты назад не смотри, огневица, там волки спешат за тобой.
Роят землю когтями и пахнут горелой травой.
Опустив морду вниз, они держат зубами твой след.
Их ведет через ночь запах слез, что впитал самоцвет.*

*Ты бежишь от огня, но несешь его в сердце своем.
Ты боишься обжечься, а пламя ликует: «Споем?»*

*Пляшет сталь между пальцев, и кровью окропится путь.
Этот выбор не твой, но тебе уж с него не свернуть.*

*За спиною твоей стяг из перьев чернее чем ночь.
Прорастают сквозь кожу – не вырвать, не бросить их прочь,
Только с ними сгореть. Почему же ты не бежишь?
Почему, огневица, ты волков своих ждешь и молчишь?*

*Серый лес проходя, знай, что ты до костей обгоришь.
И, срываясь с обрыва, знай, что ты никогда не взлетишь.
Волчья стая рассыплется пеплом среди красных рябин,
И останется только одна
Из двух половин.*

Итрида быстро шла прочь от площади, сунув руки под мышки. Лицо чужачки было спокойным, и никому не удалось бы прочесть, что творилось в ее душе. Разве что человек с немалым коробом жизненных неурядиц за плечами мог заглянуть в черные глаза и вздрогнуть, уловив отзвук чего-то страшного.

Но в глаза бродяжнице никто не смотрел.

* * *

Итрида без приключений добралась до «Ладьи». К вечеру народу в корчму набилось столько, что яблоку негде было упасть. Поприветствовав Бояну и Храбра, Итрида одним духом осушила кружку прохладного пива. Сейчас, когда глумец вместе с его колдовским инструментом и бьющими в самое нутро песенками остался далеко, бродяжница ругала себя, что не сдержалась и воспользовалась огнем. Она прижала ко лбу холодную кружку и устало закрыла глаза.

– Эй, – окликнула ее Бояна, уже какое-то время обеспокоенно наблюдавшая за подругой. – На тебе лица нет. Стряслось чего?

Итрида покачала головой.

– Надо дожидаться Даромира и валить отсюда. Какой ближайший город, куда мы можем податься?

– Пожалуй, Берестье, – прогудел Храбр, задумчиво потирая подбородок. – Только куды спешить? Расплатились с нами по чести. «Ладья» эта – лучшая корчма Каменки, а тутошнее пиво таково, что я готов его вместо еды кушать. Может, хоть пару дней дух переведем?

– Тревожно мне, – Итрида со стуком опустила кружку на стол и махнула разносчице, чтобы та снова ее наполнила.

– Встретила кого-то? – осторожно спросила Бояна, но Итрида опять мотнула головой.

– Нет. Из людей – никого.

Только из воспоминаний.

Итрида осматривала зал, скользая взглядом по лицам и не задерживаясь ни на одном из них. Пальцы покалывало. Итрида почувствовала, как к царапанью когтей внутри добавилось странное ощущение, словно ее касается чья-то жесткая шерсть.

Бродяжница чуть поморщилась, скрывая исказившееся лицо за кружкой с пивом, потом заметила хозяина корчмы и невольно принялась за ним наблюдать. Его светловолосая голова и заплетенная в две косицы борода мелькали то тут, то там, пока он самолично разносил свое знаменитое пшеничное пиво, ловко расставляя на столах по восемь кружек за раз. В «Золотой ладье» было шумно; дымовая завеса от курительных трубок шеххов наполняла нос вкрадчивым сладковатым дурманом. Хозяин подошел к столу, где расселись, распусая шелковые

халаты и вольготно раскинувшись, шеххи, наклонился к ним и негромко что-то сказал. Купцы возмутились: их лица сморщились, затряслись короткие напомаженные бородки, – но корчмарь стукнул по столу внушительным кулаком. Неизвестно, чем кончилось бы дело, но тут старший шехх положил на стол два золотых кругляша и что-то негромко молвил. Корчмарь кивнул, сгреб монеты и пошел к другим жаждущим промочить горло, а шеххи под строгим взглядом старца погасили трубки и спрятали их в особые мешочки на поясах.

Бояна, нахмурившись, наблюдала за Итридой. Не выдержав, она тронула ее руку. Итрида дернулась, но, осознав, кто ее коснулся, сухо улыбнулась:

– Прости. Думала, какая-то пьянь лапы тянет.

– Ты сама не своя, – Бояна разглядывала побледневшее лицо Итриды, жалея, что они не могут остаться наедине.

Легче всего успокоить тревогу черноглазой бродяжницы было прикосновениями, но на людях Итрида не разрешала себя трогать.

На взмокшем лбу Итриды закудрявились тонкие прядки темно-рыжих волос.

Она не ответила подруге и снова принялась оглядывать зал. Неподалеку сидели четверо путников – Итрида заметила их, едва они появились. Трое ничем не отличались от небогатых торговцев, заглянувших в корчму после удачной ярмарки, а вот четвертый...

Он был тощий, но высокий – когда выпрямлялся, почти на голову возвышался над спутниками. Вот только выпрямлялся мужчина редко – почти все время сидел сгорбившись, кутался в теплый тулуп, невзирая на летнюю ночь, и трясся как в лихорадке. Однажды незнакомец словно почувствовал внимание Итриды и поднял голову, посмотрев прямо на нее. Бродяжница взгляда не отвела, но внутри нее все сжалось. Мужчина выглядел больным: под его глазами залегли тени, нос заострился, на бледных щеках атели неровные пятна, волосы и борода были всклокочены, а тулуп застегнут кое-как. Итриде поблазнилось на мгновение, что в тусклых глазах мелькнула красная искра. Впрочем, видение тут же сгнуло, и бродяжница решила, что это был лишь отблеск от свечи. Мужчина ничего не сказал, быстро отвернулся и сжался еще сильнее.

Завидев пристальное внимание Итриды, один из спутников недужного неспешно поднялся и подошел к столику бродяжников.

– Лучом золотым дорога, паны и пани. Вы не бойтесь, Лексей не заразный. Он головой ударился сильно, с тех пор и трясется.

Друзья переглянулись, и за всех ответил Храбр:

– Уж не в Болезный ли дом вы свою друга привезли?

– Туда, – кивнул торговец. – Слышал, в Каменке отменные знахари, а порой и лаумы заглядывают. Лексей хороший мужик... был. Пошел на охоту и пропал. Нашелся две седмицы спустя на болотах совсем в другой стороне и с тех пор вот такой. Всем богам молились, все жрецы его глядели и все в один голос сошлись: навьего духа в нем нет, только телесная немощь. А мы как раз в Каменку на ярмарку собирались, когда все стряслось. Вот и взяли его с собой. Так что нечего его бояться, – снова повторил воленец, кивнул и вернулся к своим друзьям.

Итрида проводила его взглядом.

Под крышей «Ладьи» собралась разношерстная компания. Тут были и шеххи – дети Великой пустыни, и воленцы – самый многочисленный народ Беловодья, и караалы – белокожие крепкие северяне, и даже, кажется, мелькнули бледные лица кого-то из живников, но последние могли и померещиться.

Вдруг Итриду словно ожгло: она поняла, что уже какое-то время разглядывает мужчину в одежде воленского наемника. Он показался ей смутно знакомым, и Итрида припомнила, что видела его на площади, где выступал Волоха. Гордая осанка, ярко-зеленые глаза и необычный цвет волос, в которых мешались красные блики, чернота и тонкие серебристые прядки, привлекали внимание не меньше, чем меч, который наемник прикрепил за спину. Носить мечи

могли только знатные люди, а значит, он был не так прост, как мог показаться на первый взгляд. Впрочем, Итрида позабыла о зеленоглазом, стоило Волохе запеть ту морокунову песню. И вот – судьба свела их снова.

За стол воленца присел хозяин корчмы. Судя по завязавшемуся разговору, они были знакомы. Итрида еще какое-то время полюбовалась красивым мужчиной, потом поднялась из-за стола и запахнула куртку.

– Ты куда? Я с тобой! – обеспокоенно привстала Бояна, но Итрида жестом остановила ее.

– Не надо. Я на улицу, подышу немного и вернусь. Лучше возьми мне еще пива. И пирог с вареньем.

– И как в тебя столько сладостей влезает? – буркнула Бояна, но послушно замахала разносчице.

Итрида пробралась к выходу, умудрившись ни с кем не столкнуться, пропустила стайку раскрасневшихся юнцов, спешащих отведать горячительного, пока родители не хватились, и вышла на улицу. Прохладный ночной ветерок приятно охладил разгоряченное лицо. Прислонившись плечом к резной балке, бродяжница задыхалась глубоко и ровно, наполняя грудь этой прохладой.

Вдруг ее взгляд упал на тень, размазанную по забору возле одной из распахнутых створок ворот. Тень шевельнулась, и бродяжница всмотрелась внимательнее.

Показалось?

Люди входили и выходили, гомонили и всплескивали руками, делились новостями, обсуждали цены на зерно и скотину, жаловались на мужей, жен и детей – ничего нового и ничего необычного. Все выглядело так мирно, что Итрида почти убедила себя, что ей таки почудилось. Но она все равно успела прижать ногти к запястью и прочертить ими четыре ярко-красные полосы. Девушка по морщилась и одернула рукава, скрывая царапины. А когда подняла голову, то увидела его.

Он чуть выдвинулся из теней – высокая нескладная фигура с длинными, безвольно повисшими вдоль тела руками. Тень не отпустила его до конца, и Итриде привиделось, что за его спиной вытянулся тяжелый темный плащ, достигающий почти до земли. Тела было не различить из-за бесформенной одежды. Незнакомец пошевелился, по его наряду скользнули блики и высветили нечто похожее на перья.

Сначала Итрида решила, что на его лицо надвинут капюшон. Но, присмотревшись, почувствовала, как по спине стекает холодок. Вместо лица на нее смотрела маска – черная, блестящая, словно облитая маслом, с крючковатым, загнутым книзу клювом. В прорезях маски что-то сверкнуло, и блеск этот показался неживым. Совладав с первым испугом, Итрида разочлилась: празднества ряженных давно прошли, чтобы бродить таким страховидлом. Хотя, чего хотел, незнакомец добился: ей сделалось не по себе. Итрида собралась было окрикнуть странного ряженого, но тут клюв приоткрылся, мелькнул красный язык и раздался хриплый, похожий на карканье голос:

– Что ты здесь делаешь, Плающая? Тебя послали проверить меня?

– Ты кто такой? – крикнула бродяжница.

Кое-кто из торопящихся в «Ладью» гостей недоуменно глянул на нее, но Итрида не обратила на них внимания. Она с брезгливым любопытством рассматривала существо из теней. Ряженный искусно прятался возле ворот: стоило кому-то скользнуть по нему взглядом, как он застывал, пропадая из виду, хотя стоял всего в нескольких шагах от прохожих. В миг, когда Итрида осознала, что человеком ряженный не был, холодок страха вернулся и вцепился в загривок острыми когтями.

Незнакомец в маске ворона снова подался вперед.

– Ты пахнешь огнем, но не знаешь, кто я? Любопытно...

Итрида повела плечами и сжала рукоять кинжала. Не отводя взгляда от ряженого, она стала спускаться по ступеням.

– Ты не ответил на вопрос.

На Итриду оборачивались уже многие, кое-кто и пальцем у виска крутил. Она пошла еще быстрее, но все равно не успела: лунный свет блеснул на острых треугольных зубах, красный язык свернулся узелком, и существо прошипело:

– Уверен, Госпоже будет интересно узнать о тебе. Жди скорой встречи, Пылающая. Ну а пока – наслаждайся зрелищем.

И существо целиком скрылось в тени.

Итрида преодолела весь двор за один удар сердца. Но, уже протягивая руку в темноту, она знала, что ничего там не нащупает. Ряженный исчез.

С трудом обретенный покой рассыпался колючими осколками, и Итрида, грязно выругавшись, вернулась в корчму. Тревога и боль тут же напомнили о себе. Все вокруг словно покрыли черные изломанные линии, похожие на корявые ветви, и там, среди этих ветвей, пошевелился силуэт, окрашенный в цвета ночи и огня. Итрида вцепилась в край стола и прикусила щеку изнутри. Бояна обеспокоенно смотрела на нее, но уже ни о чем не спрашивала. По корчме пронесся сквозняк, и многочисленные серебристые палочки ловцов ветра запели на разные голоса, задетые его стремительным полетом. Бродяжники повернулись к двери и увидели знакомый силуэт, застывший на мгновение, прежде чем шагнуть вперед и смешаться с разномастной толпой.

– Шо это на нем лица нет? – протянул Храбр, удивленно подняв брови.

Итрида глянула на приближающегося к ним шехха и нахмурилась. Храбр был прав: привычная лоснящаяся уверенностью улыбка Даромира не угадывалась даже в его синих глазах.

– Похоже, новой крале Дара не угодили его умения, – криво усмехнулась Бояна.

– Как бы нам ее обида не вышла боком, – Итрида следила за шеххом и хмурилась все сильнее.

Он был бледен; на узком лице подсыхали коричневые разводы, слишком похожие на кровь. Но двигался шехх по-прежнему легко – что ж, по крайней мере ему ничего не сломали.

Дар допетлял до стола, где разместились бродяжники, и рухнул на лавку. Сгорбился и запустил обе руки в темную волнистую гриву.

– Эй, – Итрида тронула его за плечо.

Шехх вскинулся, но, увидев, что это всего лишь она, снова сгорбил плечи, зарываясь длинными пальцами в волосы.

– Что случилось? В постели вместо пани навью тварь повстречал?

– Хуже, – простонал Дар, сжимая пальцы так сильно, что Итрида испугалась, как бы он себе клок волос не отхватил. – Навьи хоть просто жрут, а люди гадят так, что нежити и не снилось! Будь проклят тот миг, когда я встретил эту белокожую гадюку!

– Уже интересно, – Бояна подалась вперед, поставив локти на стол и положив подбородок на ладони. Она старательно прятала ехидную ухмылку, с преувеличенным вниманием слушая стенания Дара.

– Может, все-таки скажешь толком, шо случилось? – примирительно прогудел Храбр.

И Даромир рассказал.

Когда они с Каженой вдоволь натешились друг другом, Даромир собрался сбежать, как привык. Но девица уболтала его задержаться: мол, засовы на двери крепки, а без разрешения ни одна собака к ней не посмеет заглянуть. Почему бы не вздремнуть, а затем не повторить приятное общение? И Даромир послушал ее, развесил уши, как сопливый щенок, – а может, всему виной сладко пахнувшие дорогими притираниями простыни, истома во всем теле и любовь шехха к красивым женщинам? В общем, он и в самом деле задремал.

Проснулся шехх от страшного грохота, ворвавшегося в полумрак покоев Кажены, словно удар топора рассерженного Перкунаса по наковальне Небесной Кузницы...

– Так уж и самого Перкунаса? – фыркнула в кулачок Бояна. Даромир только зло зыркнул на нее и продолжил.

Оказалось, что племянник Вышаты Казимир Кожемяка неожиданно-негаданно явился в гости на день раньше срока и ему тут же донесли, что двоюродная сестрица ведет себя неподобающе. Огромный, разъяренный, точно бык, Казимир чуть не захлебнулся от ярости и бросился к сестре, рыча на ходу угрозы тому, кого найдет на ее ложе. Его не остановили ни засов, ни гневные крики Кажены...

– А меня самого спасло чудо и умение лазать по стенам, – плаксиво закончил Даромир и окончательно сполз на стол, уткнувшись лбом в теплое полированное дерево.

Храбр сочувственно похлопал шехха по плечу, пока Бояна давилась смехом. Итрида лишь закатила глаза к потолку, услышав окончание этой истории, вполне ожидаемое для любвеобильного шехха. Но его следующие слова согнали улыбки с лиц бродяжников.

– Знаете, что самое паршивое? – отлепился Дар от стола. – Казимир этот, оказывается, очень дружен с городничим Каменки. Вряд ли им составит много труда найти нас всех в этой корчме и спеленать тепленькими, как младенчиков. А если и сбежим – нам нигде не дадут приюта и, случись что, не помогут даже в Болезном доме.

Итрида смотрела в виноватые синие глаза и с трудом удерживалась, чтобы не вдарить по кудрявому затылку. Может, она и не сдержалась бы, но резкие голоса за соседним столиком ее отвлекли.

После встречи с ряженым в маске ворона она и думать забыла про недужного Лексея. Да только тот сам о себе напомнил: вдруг вскочил и заорал надтреснутым хриплым голосом, до того похожим на голос ряженого, что Итрида вздрогнула и вскинула голову, нащупывая кинжал и хищно раздувая ноздри. И не сразу она осознала, что именно кричит недужный:

– Думаете, я не вижу? Не верите вы мне, небось, решили, что Лексей головой треснулся и совсем разумом помутился? А я вам говорю, что огонь в меня влили! Точно кувшин пустой наполнили до краешков. Вот оттого и больно мне, братцы! Потому что огонь этот – он на свободу рвется, он не хочет во мне быть, выжигает он меня. Того и гляди... по течет... вот только мне того и надо. Пусть течет! Пусть... Лучше уж помереть, чем так. Ведь у меня горит все внутри, братцы. Когда сплю – горит. И когда глаза открываю – горит. Вы думаете, я мерзну? А я – горю.

Бродяжники сдвинулись ближе к Итриде, с беспокойством глядя на нее. А она, бездумно уставившись в стол и побледнев как снег, слушала отчаянные крики несчастного. Ей отчего-то было страшно снова на него посмотреть. Как будто она боялась увидеть не тощего мужичонку в тулупе.

А себя.

– Да провались оно все в Навь!!! – голос Лексея сорвался на визг и пресекался.

Тут же загремели отодвигаемые лавки, заскрипели натужно столы, кто-то вскрикнул, брякнула оброненная ложка. Итрида резко обернулась и замерла. Люди разбежались во все стороны от Лексея, а он и вправду горел. Его охватило пламя: оно изливалось у него из глаз, из распахнутого в беззвучном крике рта, текло по телу, пожирая одежду и кожу... Несчастный запрокинул голову так сильно, что его шея грозила переломиться. Кто-то подбежал с ушатом и выплеснул воду на пылающего человека, но она лишь зашипела и испарилась, ранив горячим облаком тех, кто не успел убраться подальше. Спутники Лексея в ужасе пятились прочь, не сводя широко распахнутых глаз с товарища. Одна только Итрида смотрела на его лицо.

Вовсе не мукой оно было искажено.

На нем было облегчение.

Пламя хлынуло еще сильнее, и вдруг раздался оглушительный взрыв, ударом кузнечного молота разметавший гостей «Ладьи» в стороны вперемешку с щепками и осколками. На глазах оглушенной Итриды Бояна влетела спиной в балку, и из ее рта на подбородок плеснула кровь. Итрида затрясла головой, пытаясь прогнать мерзкий звон в ушах, но от этого движения перед глазами все закрутилось волчком, а желудок принялся карабкаться к горлу. Рядом Бояна, скрючившись, блевала на усыпанный опилками пол. Итрида метнулась к ней, схватила за плечи и рывком подняла на ноги. Пара несильных оплеух – и Бояна предупреждающе зарычала. Руки действовали быстрее разума, и, прежде чем она сумела сосредоточить взгляд на черных глазах Итриды, один из ножей уже упирался той в живот.

– Какого морокуна стряслось? – выдавила Бояна, отводя клинок.

Ее голос звучал для Итриды глухо, будто в уши натолкали тряпок.

Итрида мельком глянула на то, что осталось от Лексея, и отвела глаза.

– Чья-то злая ворожба случилась, вот что. Надо убираться отсюда, пока на нас не свалили.

– У тебя кровь, – Бояна потянулась к щеке подруги, но та мотнула головой, отталкивая ее руку.

– Щепкой задело на излете, пустое.

Бояна попробовала сделать шаг и слабо дернулась, выругавшись от прострелившей спину боли. Итрида нахмурилась еще сильнее, зло сверкая глазами. В ее волосах запутались мелкие щепки, кольца лука, осколки глиняного кувшина. Лицо запорошило мелкой пылью, на которой темнела кровь из глубокого пореза, пересекавшего щеку.

– Парни где? – просипела Бояна.

– Вон они, у выхода. Да смотри ты под ноги, морокун тебя!..

Бояна споткнулась о чье-то тело. Нижней части лица у умершего не было – его начисто срезало широким осколком стекла, и только удивленные голубые глаза мертво уставились в потолок. К ним метнулась размытая фигура, и Итрида выпустила плечо подруги. Развернулась к нападавшему, на ходу вытаскивая парные кинжалы, чьи лезвия потемнели от яда, – подарок Даромира. Бояна привалилась спиной к уцелевшей стене и глубоко задышала, пытаясь вернуть ясность зрения.

Вокруг метались и кричали люди. Тоненько, на одной ноте, визжала баба. Бояна нашла ее взглядом – простоволосую, стоящую на коленях возле очередного неподвижного тела, – отлепилась от стеночки и, пошатываясь, добрела. Размахнулась и вlepила пощечину, мысленно порадовавшись, что попала. Баба схватилась за щеку и уставилась на обидчицу бешеными глазами.

– Беги отсюда, – ласково посоветовала Бояна, шурясь, чтобы хотя бы лицо рассмотреть. – Юбку в руки и пошла прочь! Как бы второй раз не грохнуло.

До женщины доходило медленно. Бояна плюнула и отвернулась, мигот потеряв всякий интерес к кликуше. Орать перестала, и ладно. Итрида избавилась от напавшего на нее мародера и успела подхватить Бояну до того, как та начала медленно падать на колени.

Итрида зло цыкнула и закинула руку Бояны себе на плечо.

– Идти можешь?

– Даже сплясать могу. Недолго, правда... – съязвила Бояна.

Итрида потащила ее к черному прямоугольнику выхода, то и дело прикрывая собой от мечущихся людей. Они почти дошли, когда на пороге вдруг выросла громадная тень. Топор с серебряной оплеткой на длинной рукояти свистнул и вышиб щепки в пяди от их сапог.

– Куда собрались, навьи дети? Думали сбежать под шумок? Видал я вас, вы с тем драным шеххом вместе околачиваетесь! Нет уж, никуда теперь не денетесь. Все разом за своего дружка ответите!

– Ты чего, мужик, совсем разум потерял? Беги отсюда! – крикнула ему Итрида, но незнакомец только ощерил в ухмылке крупные белые зубы и рывком оторвал топор от пола, замахаясь второй раз.

Итрида помянула морокуна и дернулась в сторону, утягивая за собой Бояну, которая становилась все тяжелее. Топор свистнул, снова пролетая мимо, и взлетел в третий раз. Итрида выдернула из-за пояса кинжал, но метнуть не успела – в бок нападавшего кто-то врезался, и он, не удержавшись, рухнул, впрочем, тут же ловко снова вскочив на ноги. Перед Итридой и Бояной встал Даромир, держащий в каждой руке по кинжалу с тонкой черной полосой посередине – там был яд, собственноручно изготовленный шеххом.

– Казимир, ну до чего ж не вовремя тебя морокун принес!

– Это от него ты удирал? – поразились Итрида, и шехх коротко кивнул. – Не мог найти кого-нибудь помельче?!

– Ну извини, у девиц на лбу не написано, кто у них в родичах ходит! – огрызнулся шехх.

– Убью!!! – взревел Казимир и кинулся на шехха.

Но споткнулся и чуть не упал, ошалело глядя на Итриду, вставшую возле Даромира. Глаза девушки вспыхнули, их черная радужка на лилась золотом. Итрида подняла руку. Жилы под бледной кожей набухли и выступили так явно, что каждую можно было разглядеть... или перерезать. Они начали светиться, точно в них что-то вливали. То же золотистое сияние, что и в глазах, заменяло сейчас кровь в теле Итриды. Казимир шагнул назад; его лицо побелело.

– Ты же не волховка, – прошептал он.

– Я похуже буду, – оскалилась Итрида, и из ее ладони в грудь мужчины ударил поток пламени.

Глава 4. Дурные вести

Марий клял себя, что не заметил, с какой стороны явился колдун. Тело сработало само: едва несчастный кмет вспыхнул, как Марий вскочил и рывком опрокинул перед собой стол. Он успел вовремя: корчму трянуло от подвала до чердака, и здание застонало, словно живое существо. Марий осторожно выглянул из своего убежища. С другой стороны зала из-за стойки точно так же выглядывал Слад, и Марий перевел дух, осознав, что корчмарь не пострадал.

Но Пивовар был одним из немногих, кому повезло.

Марий в сердцах помянул морокуна и выпрямился. Дернул из-за спины меч, уже не забываясь о скрывающих его тряпках. С исписанного белыми рунами клинка потекло пламя, и те, кто был в сознании, шарахнулись в стороны от колдовского огня. В воздухе медленно оседала мелкая белесая пыль, из-за которой казалось, будто корчму окутал туман.

От сгоревшего осталось только темное пятно на полу.

Внимание дейваса привлек шум у двери. Глянув в ту сторону Болотник подобрался: тот самый парень в краденых сапогах, так безмятежно распивавший пиво в паре столиков от наблюдавшего за ним дейваса, замер на пороге. На его плечо тяжело опиралась темноволосая девушка, рядом с которой он сидел, когда все вокруг взлетело на воздух. Оба бродяжника были запорошены пылью и опилками до того, что ни одежду, ни цвет волос было не разглядеть. К тому же парень так и не снял капюшон. Перед бродяжниками размахивал внушительным топором огромный мужчина, судя по одежде – из восточных волостей. Пока Марий пробирался к сражающимся, к ним присоединился их приятель-шехх. Внезапно парень в капюшоне поднял руку и в грудь его противника ударил огонь. Тот рухнул на колени, и троица поторопилась выйти из корчмы. На пороге высокий бродяжник сердито мотнул головой, отчего капюшон упал ему на плечи. Густые рыжие волосы ярко вспыхнули даже в полумраке. Вскоре колдуна и его спутников загородили от взгляда дейваса другие посетители, спешно покидавшие опасное место. Марий еще успел увидеть, как темноволосая девушка повисла на руке рыжего и шехх подхватил ее с другой стороны, не давая упасть. Потом все трое смешались с толпой.

Марий не раздумывая кинулся следом за ними. Болотник знал всех дейвасов, которые были отправлены им в эту часть Беловодья, – и ни у одного из них не было таких роскошных волос.

Уж не этот ли рыжий заколдовал сгоревшего кмета?

Марий выскочил на улицу, но не успел оглядеться, как дорогу ему загородили двое разбойничьего вида мужиков.

– Ты, собака пришедшая, корчму попортил? – рявкнул тот, что стоял слева.

– Кто тут еще пришедший, – Марий мельком глянул на разбойников, темноволосых и темноголазых, и попытался их обойти. Но второй, доселе молчавший, метнулся наперерез. Он успел только дернуть дейваса за рукав, как черный меч ударил его плоской стороной по щеке. Руны вспыхнули красным, и мужик завизжал как поросенок, прижимая пальцы к стремительно пухнущему лицу. Марий развернулся ко второму, но не успел сказать ни слова: горе-разбойник оступился, упал на землю, да так и пополз прочь на зад, не отрывая выпученных глаз от странного человека в одеждах наемника.

– Ты чего, э... Ты огневик, что ли?! Так мы ж не знали, мы-то думали... Хватко, уходим!

– Но этот...

– Валим, говорю, э! Огневик это!

Не прошло и минуты, как несостоявшиеся разбойники, поддерживая друг друга, убралась вниз по улице, ловко лавируя между спешащими к корчме людьми. Марий плюнул им вслед и загнал меч в ножны. Огляделся, уже понимая, что никого не найдет. За это время неизвестный дейвас мог десять раз скрыться. Так оно и вышло.

– Чтоб вас Вельнас в Навь утащил, – в сердцах выругался Марий и пошел обратно в корчму.

Там он быстро нашел Слада, которого взрывом лишь слегка оглушило. Бородатый корчмарь был зол, как десяток разъяренных быков, но Мария интересовало другое:

– Есть у тебя ворон? Не казенный, а личный?

– Болотник, отстань, Перкунасовой бородой заклинаю, не видишь разве – не до тебя сейчас!

Марий сгреб в кулак встрепанную бороду Слада, притянул дородного мужика к себе так, чтобы их глаза оказались на одном уровне, и еще раз очень тихо и очень четко повторил:

– Ворон. Не казенный. Есть у тебя?

– Отпусти, малахольный! Есть. Пиши свое послание, чтоб тебя навьи драли! – Слад дернулся, и Марий кивнул, отпуская приятеля.

Проводил взглядом разносчицу, спешащую к раненым со стопкой чистых тряпок, на которые, кажется, располосовали запас фартуков. Снова помянул Вельнаса, встрепал волосы и пошел за Сладом. Вести в Школу Марий, конечно же, пошлет. Но сначала поможет другу.

Этим злосчастливым вечером на Сладе Пивоваре красовался черный кафтан, подозрительно похожий на облачение дейвасов. Отличался он разве что отсутствием золотой вышивки по воротнику, зато на могучей шее корчмаря алел шелковый платок. Привычные запахи корицы, пчелиного воска, жареного мяса и золотистых пирогов были едва ощутимы. Их напрочь забивала гарь тлеющей кожи и сожженного дерева. Кафтан Слада оказался исполосован так, что из прорех торчала окровавленная исподняя рубаха – самая обычная, воленская. От пышной бороды остались обгорелые клочья, на одной щеке и вовсе прожженные до розовеющей, как у младенца, кожи. Весь пол «Ладьи» усыпали цветные осколки и обрывки тканей. Во многих местах их цвет было не различить из-за подсыхающих бурых пятен.

Можно было ожидать от Слада, что он будет причитать и сокрушаться по поводу столь тяжелой раны его детища. Но Слад вместо того носился взад-вперед сполохом красного шарфа: раздавал одеяла, кувшины с чистой водой и улыбки, на которые, как прекрасно знал Марий, Пивовар был всегда очень щедр. К тому же корчмарь где-то уже успел наварить душистого отвара с толикой успокоительных трав, которым его помощница сейчас отпаивала пострадавших.

– Чего застыл? – прикрикнул Слад на Мария, пронось мимо. – Давай помогай!

Ждать от Мария улыбок и сбитня мог только полный идиот, но Слад и не о том просил старого друга. Близкое знакомство с магией лаум не могло пройти бесследно для дейваса. Он не знал, делал ли еще кто-нибудь подобное до него, но упорно практиковался в лечении. Порой ему помогала Хранительница Серой Чащи, подсказывая, почему вода упрямится и не хочет течь исцеляющим потоком. Конечно, до лаум или даже до уровня ныне исчезнувших раган Марию было далеко, но затянуть легкие раны он вполне мог. Потому дейвас сдержал раздраженный вздох и засучил рукава.

Марий сам не знал, сколько времени прошло. Только ломота в натруженной спине и цветные пятна перед глазами заставили его ненадолго перевести дух. Дейвас воспользовался перерывом, чтобы в несколько строчек уместить все случившееся – и неизвестного огненосца, и погибшую корчму – и отправить ворона с привязанной к лапке запиской в Червен. Буревестник и Светогор хотели, чтобы он отдохнул, но Пряхи, видно, имели свое мнение на сей счет, причудливо запутывая нить его жизни.

Марий расправил плечи и вдохнул влажный воздух раннего утра, подсвеченный розовым сиянием неспешно пробуждающегося солнца. За его спиной скрипнула дверь, и на крыльцо, точнее на то, что от него осталось, вышел Слад. Раскуроченные доски торчали как пеньки гнилых зубов. Пострадавшие, кто мог идти своим ходом, разбрелись по домам, зарекшись вовек пить где-то, кроме родной избы. Тех же, кто был плох, уже пользовали каменские знахари из

Болезного дома. Марий сел на крыльцо и вытянул длинные ноги, жалея, что не курит: сейчас он бы не отказался от трубочки шеххского зелья.

Хрустнули осколки и щепки, и рядом с дейвасом грузно опустился Слад. Только позаботившись обо всех пострадавших, корчмарь подпустил к себе муть усталости. Марий вздохнул и размял шею. Сейчас бы в баню да попариться от души. А потом – крепкого лесного чая, как заваривала ему одна зеленоглазая ведьма...

– Жаль, лаумы у вас тут своей нет, – посетовал Марий.

– Не доросли еще, – крикнул Слад. – Вроде и не волость уже, а целый городок, ан нет – все равно слишком мало водяниц, чтобы посадить одну в нашем Болезном доме. Хотя погодика! Вот я всегда говорил: «Слад, слушай все, что говорят в твоей корчме, не бывает ненужных сплетен», – Слад встрепенулся, и его тусклые глаза загорелись новой идеей. – К купцу Вышате Кожемяке наемни гостья пожаловала. Поговаривают, как раз лаума и есть!

– Но точно никто не знает? – уточнил Марий.

– Не, – Слад мотнул подбородком. – Она не объявляла себя. Может, просто погостить заглянула.

– С чего тогда ты взял, что она водяница?

– Слухами земля полнится, – ухмыльнулся владелец знаменитой на всю округу корчмы. Марий прищурился, разглядывая медленно наливающееся золотом небо.

– Где живет этот Вышата?

Слад назвал улицу.

* * *

В суматохе Марий совсем забыл про Стрыгу, но она не сильно страдала от этого. Взрыв раскрошил стену кладовой, и запасы оказались беззащитны и доступны всем желающим. Впрочем, желающих не нашлось – сложно было соперничать с внушительной зверюгой, на морде которой сверкали голодные красные глаза и влажно блестели клыки в палец длиной. К тому же вышеупомянутая животина нагло втиснулась в кладовку. На виду остался лишь объемистый холеный зад и весьма узкий проход для тех, кто готов был отважиться и все-таки прокрасться мимо навей твари, по недоразумению принявшей лошадиное обличье. Из кладовки доносилось чавканье, звук разрываемой плоти и подозрительный треск. Сунувшиеся было к задорно колышущемуся волнистому хвосту суеверно рисовали на груди знак защиты от темных сил и тихонько пяtilись, надеясь, что несчастный, попавший на зубок к черному стражу, окажется достаточно вкусным, чтобы навь не отвлекалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.